

Семён Ханин [Semën Chanin] è nato nel 1970 a Riga, in Lettonia, dove vive. All'attività di poeta in lingua russa, ha affiancato quella di traduttore (anzitutto dal lettone), di redattore editoriale ma anche di artista performativo. Nel 1999 è uno dei fondatori del gruppo *Orbita*, teso a integrare la ricca tradizione culturale russo-lettone nel panorama contemporaneo e a contaminarla con altri generi, quali la *video-art*, la musica o il cinema. Del 2003 è la prima raccolta, "Только что" (*Proprio adesso*), cui fanno seguito numerosi altri volumi. Le poesie di Chanin, tradotte in molte lingue, sono state pubblicate in italiano, oltre che in antologie o riviste, nei volumi *Omissis* (Miraggi 2017) e *Sessione di ipnosi*, (traduzione di Elisa Baglioni, Pequod, 2020). Su Chanin si veda il video di Elisa Baglioni: <https://www.youtube.com/watch?v=AQOn2yTCLks&list=PLOdgY0n52SbcmKQ6K3kuhX6Ty6Jr6NI6w&index=8>

Da *SESSIONE DI IPNOSI*

Traduzioni di Elisa Baglioni

давайте перенесем сеанс гипноза на вторник,
[там свободно до обеда
сможете? все могут?

не вижу рук. раз, два. итак, переносим

домашнее задание: тренируем расфокусировку взгляда
месмеризируем неодушевленные предметы
рефлекторно впадаем в ярость

и не забываем безопасные падения на спину

в следующий раз захватите с собой что-то
теплое и веревки, чтобы было что грызть

фольклорная практика на острове
где оставалось еще пара варваров
в совершенно уже свинском
состоянии, стадия одичания
сменилась озверением, конкретно
вымирают. поклоняются зебре
и светофорам. кричат «бар-бар!»
когда видят бар. шницель
едят руками, и часто
моргают маленькими глазками

под носом у руководителей практики
несколько варваров вырвалось
с острова вместе с белокурой
третьекурницей, с берега видно
как она стоит на корме парома
с диктофоном в руках, а стайка
вандалят травит ей анекдоты
плеск воды заглушает звуки
варварского наречия. бесценный
материал уплыл, цедит в усы профессор

у профессора свои заморочки
по теории, что он нам давал на лекциях
прошлое, настоящее и будущее —
это сырое, вареное и жареное
будущее — сырое, потом оно варится
в настоящем, а после обжаривается
на медленном огне, и от него со временем

che ne dite di spostare la sessione di ipnosi a martedì?
[c'è posto fino a pranzo
chi può? possono tutti?

non vedo le mani. uno, due. bene, la spostiamo

compiti per casa: alleniamo lo sguardo ad appannarsi
mesmerizziamo gli oggetti inanimati
praticiamo istintivi scatti d'ira

e non dimentichiamoci di eseguire le cadute all'indietro

per la prossima volta portate qualcosa
di caldo e le funi da rosicchiare

una ricerca etnografica su un'isola
dove restano ancora alcuni barbari
in una condizione di ormai totale
abbruttimento, allo stadio selvaggio
è subentrato l'imbestiamento, si avviano
di fatto all'estinzione. venerano le linee zebrate
e i semafori. gridano "bar-bar!"
quando vedono un bar. mangiano
la cotoletta con le mani e strizzano
di continuo i loro occhietti

sotto il naso dei responsabili della ricerca
portando con sé una studentessa
dalla chioma bionda qualche barbaro
se l'è svignata. dalla riva si vede
lei a poppa nel traghetto
registratore in mano, mentre
il branco di vandali la intrattiene con storielle
lo sciabordio dell'acqua copre i suoni
dell'idioma barbaro. l'inestimabile materiale
ha preso il largo, borbotta tra i baffi il professore

il professore aveva alcune stravaganti
teorie che ci impartiva a lezione
il passato, il presente e il futuro
sono il crudo, il bollito e il soffritto
il futuro è il crudo, poi lo si lascia bollire
nel presente, dopo lo si rosola
a fuoco dolce, e col tempo

останутся шкварки. по жареным кускам
мы пробуем понять, что там было за блюдо
и из чего же это оно было приготовлено
профессора давно нет, теперь другие времена
настал век микроволновок, пришла тефлоновая
эпоха, эра индукционных плит, культура су-вид
и сыроядения. потягивая смузи
наш разум смущен. вспомнилось как профессор
берет канцерогенный уголек, обсасывает
разгрызает его, плюется и матерится

еще какие-то поползут по мурашкам
не обрезки волос после стрижки
под холодным ежиком собравшиеся за шкуру
займемся — молчит — массажиком
в горле першит простуженный ершик
разогрейте пожалуйста — молчит — но не страшно
и глядит исподлобья
от удовольствия так следят за тобой глазами
только металл с привкусом твоих губ
только камень

сегодня в номере
с повтором в вечерней программе
обросший плотью скелет выходит из шкафа!

интервьюерша: расскажите же
какие у вас ощущения

извольте
чувствую себя так, словно на мне
гидрокостюм, акваланг и маска
и я уже два раза дернул и потянул
сигнальный конец

такое давление испытываешь только на глубине
метры и метры водяного столба
к тому же ньютон, паскаль, атмосферы и бары
между нами, непростое испытание
для слабого моего лба

но должен признаться в виду батискафа
что это все же неизмеримо лучше
чем идеально пошитые бесконечные пиджаки

в заключение прибавлю
что это почти что ничто по сравнению
с их темной печальной материей
рубчиком и накладными плечами
слепыми пуговками и глухими карманами

пиджаки, не под запись скажу вам, реально достали!

а у вас тут, кстати, работают бары?

rimarranno i resti bruciacchiati. con quegli avanzi
cerchiamo di capire qual era il piatto
e da quali ingredienti era composto
il professore se n'è andato da tanto, i tempi sono cambiati
è giunto il secolo dei microonde, l'era
del teflon, l'epoca delle piastre a induzione
la cultura del sottovuoto e del crudismo.

[sorbendoci uno smoothie
entriamo in confusione. torna in mente il professore
che prende il carboncino cancerogeno, lo succhia
coi denti lo spacca, sputa e bestemmia

qualcos'altro formicola sul formicolio
non le ciocche recise dopo il taglio
raccolte sul collo sotto una fredda scorciatoia
facciamo – non dice – un massaggio
gratta la gola, setole, solletico
un tè caldo, per favore – non dice – ma non troppo
e guarda imbronciata
è un piacere seguirti con gli occhi
solo il metallo è al gusto delle tue labbra
solo la pietra

sul giornale di oggi
e in replica nel programma serale
uno scheletro ricoperto di carne esce dall'armadio!

l'intervistatrice: ci racconti
quali sensazioni si provano

con il vostro permesso
mi sento come se avessi indosso
la muta, l'autorespiratore e la maschera
e per due volte avessi già tirato e stratonato
la corda

una pressione come questa la si avverte solo in profondità
ci sono metri e metri di colonne d'acqua
oltre ai newton, ai pascal, alle atmosfere e ai bar
tra di noi, una prova non da poco
per la mia fronte delicata

ma devo riconoscere alla vista del batiscafo
che tutto questo è immensamente migliore
di un'infinità di giacche cucite con cura

in conclusione aggiungo
che è un piacere in confronto
alla loro triste stoffa scura
alle coste e alle spalline
ai bottoni ciechi e alle tasche sorde

le giacche, che rimanga fra noi, avrebbero anche stufato!

a proposito, i bar sono aperti da queste parti?

спекулировать любовью и смертью

смертью в розницу, в зеленой серийной упаковке
любовью большими партиями (это ничего [
что подмокло])

образец товара:

ты умрешь не как клоун подскользнувшийся
[на банановой кожуре]

под смех друзей

а от обострения собственного занудства
среди малознакомых знакомых

и им, и тебе будет только тоскливо и не по себе
в этой истории

узнаешь кого-нибудь
среди немногих без видимого воодушевления
[идуших за гробом?]

но в могиле тебе будет в самый раз

придуманную в юности эпитафию съест по ошибке
компьютерный червь

(он умер, чтобы я
могла прочесть на камне:
«жить, милые друзья,
не хочется пока мне»?)

просыпаясь каждый раз в ином
неположенном странном месте
не зная даже что стоит за окном
что за всем этим стоит в бездействии
выжидая попадет ли вдруг
на глаза до боли знакомое и свое
лицо, моргнет, чтобы скрыть испуг
от того что застало себя вдвоем

не переключиться никак, не настроиться
словно старое радио, зеркало
в коридоре стоишь растерянно
рядом с вешалкой и ботинками

оно раньше показывало, передавало
цветные картинки с отбитым краем
проглатывало слова с акцентом
шипело немилосердно

не шуршит, не фонит, не телится
не транслирует ничего
проходя мимо зеркала сонного
как оно вдруг глядит на тебя

ну так стоит ли удивляться
однообразным узорам
похоже, забыли вывесить
подсушить за окно одеяло

lucrare sull'amore e sulla morte

sulla morte al dettaglio, inscatolata in un imballo standard
[color verde
sull'amore a grandi lotti (poco importa se si bagna)

un campione della nostra merce:

morirai non come un pagliaccio che scivola
[su una buccia di banana]

tra le risate degli amici

ma per l'aggravarsi del tedio che ti contraddistingue
in compagnia di conoscenti a malapena conosciuti

vi sentirete, tu e loro, scoraggiati e fuori posto
in questa storia

riconoscerai qualcuno
tra i pochi al seguito della bara visibilmente indifferenti?

ma la tomba ti andrà a pennello

l'epitaffio composto in gioventù sarà inghiottito per errore
da un *bug* del sistema

(mori affinché io
potessi leggere sulla lapide:
“di vivere, miei cari amici,
al momento non ne ho voglia”?)

al risveglio ogni volta in un nuovo
strano posto con divieto d'ingresso
ignorando cosa ci sia di là dalla finestra
cosa aldilà di tutto questo si sia fermato
nell'attesa d'un tratto potrebbe balzare
allo sguardo il proprio viso arcinoto
che fa l'occholino per mascherare la paura
di non essere più da solo

non hai modo di sintonizzare, regolare
come una vecchia radio, lo specchio
sosti sovrappensiero in corridoio
tra l'appendiabiti e le scarpe

in passato mostrava, restituiva
immagini a colori con l'angolo scheggiato
mangiava le parole con un forte accento
sibilava senza pietà

non emette fruscii, non ronza, non si decide
non trasmette un bel nulla
accostandoti allo specchio assonnato
eccolo che ti guarda all'improvviso

mi chiedo se sia il caso di stupirsi
dei ricami uniformi del bucato
sembra che abbiano dimenticato
di stendere i panni alla finestra